

VI. Къ вопросу о крестьянскихъ лѣсахъ въ западной Сибири.

Всѣ лѣсныя пространства западной Сибири, за исключеніемъ весьма незначительной части, выпадающей на долю частныхъ владѣльцевъ, составляютъ Государственную собственность.

Обращаясь къ группировкѣ данныхъ относительно лѣсныхъ дачъ по характеру ихъ предназначенія и пользованія мы увидимъ, что площадь лѣсныхъ дачъ единственнаго владѣнія казны составляетъ 10.758,319 десятинъ, лѣсныхъ дачъ общаго владѣнія 54,508,769 десятинъ и лѣсныхъ дачъ примежованныхъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ 6,968,243.

Этими цифрами мы пока и ограничимся, имѣя въ виду говорить о казенныхъ лѣсахъ, находящихся въ пользованіи сельскаго населенія края.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно усмотрѣть, что въ пользованіи крестьянскаго населенія находится въ настоящее время 61,477,012 десятинъ, составляющихъ почти $\frac{1}{5}$ часть общей площади лѣсныхъ дачъ западной Сибири. Полагая, что изъ лѣсовъ общаго владѣнія, за надѣломъ крестьянъ, нѣкоторая часть поступить въ исключительное распоряженіе казны, мы во всякомъ случаѣ получимъ цифру по своей величинѣ достаточно внушительную; а въ виду значенія лѣса, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ хозяйственной жизни населенія и значенія его въ общей экономіи жизни природы, нельзя не остановить самаго серьезнаго вниманія на состояніи ихъ, такъ какъ съ результатами ихъ беспощаднаго истребленія даже современному поколѣнію приходится вести тяжелый расчетъ.

Съ устройствомъ быта государственныхъ крестьянъ въ западной Сибири, съ надѣлами хозяйственныхъ угодій (пахотной, сѣнокосной и выгонной земли) одновременно производится нарѣзка и лѣсныхъ дачъ, въ пропорціи, какую допускали мѣстныя условія. Какъ эти надѣльные дачи, такъ и дачи общаго владѣнія состоятъ во временномъ пользованіи населенія, и существующія по этому предмету законоположенія, примѣнительно къ бытовымъ условіямъ русскаго народа, полагаютъ это пользованіе на правахъ общиннаго хозяйства. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи законоположеніе, предоставляя сельскимъ обществамъ въ пользованіе лѣсныя дачи, ограничиваетъ это право предѣлами собственной, хозяйственной нужды крестьянина въ лѣсныхъ матеріалахъ. Самый же порядокъ пользованія регламентированъ цѣлымъ ря-

домъ правилъ и распоряженій, утвержденныхъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ.—Изложивъ въ кратцѣ требованія закона по отношенію къ лѣсамъ, находящимся во временномъ пользованіи сельскаго населенія, теперь посмотримъ, какъ привились эти требованія къ своеобразному составу сельскихъ обществъ Сибири. Разрозненность элементовъ сибирскаго населенія, состоящаго изъ коренныхъ жителей, ссыльныхъ и переселенцевъ разныхъ мѣстъ Имперіи, не можетъ, разумѣется, вліять благотворно на умы и развитіе общинныхъ формъ жизни этого населенія. Съ каждымъ годомъ проявляющаяся все болѣе и болѣе индивидуализація въ средѣ сельскихъ обществъ, переносится и на предметы ихъ владѣнія, пользованія. И замѣчательно, что крестьянскіе лѣса, огражденные закономъ отъ какихъ бы то ни было раздѣловъ, сдѣлались первою жертвою разложенія общины. Едва ли можно встрѣтить гдѣ нибудь въ западной Сибири общественныя дачи, за исключеніемъ незначительной части, такъ называемыхъ «запасныхъ дачъ», которыя не претерпѣли бы подушного раздѣла.—Понятно, что если сила общинной власти перестала дѣйствовать, а со стороны мѣстной администраціи не было никакого наблюденія за отведенными въ пользованіе обществъ лѣсными участками, то это пользованіе приняло самый разнообразный характеръ, согласно взглядамъ и выгодамъ каждаго домохозяина въ отдѣльности.

Сибирскій крестьянинъ пользуется своимъ участкомъ на правахъ личной собственности, и такое пользованіе на столько укоренилось въ его сознаніи, что ваше убѣжденіе о принадлежности лѣсовъ, находящихся въ его рукахъ, казнѣ онъ встрѣтитъ съ совершенно полнымъ и искреннимъ изумленіемъ. Сообразно такому характеру владѣнія, совершенно понятны и тѣ результаты, которые оно приняло. Во всѣхъ населенныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній, за исключеніемъ сѣверныхъ мало населенныхъ, состояніе общественныхъ дачъ представляетъ совершенно одинаковую картину.

Съ одной стороны усиливающееся съ каждымъ годомъ потребленіе лѣса нарождающимся населеніемъ (путемъ естественнаго прироста и прилива переселенцевъ), съ другой стороны значительная потребность какъ въ топливѣ, такъ и строительномъ матеріалѣ развивающихся пунктовъ городской осѣдлости и промышленно заводскихъ центровъ, открываютъ весьма удобные рынки сбыта, на которые сибирскій крестьянинъ свозитъ остатки своихъ надѣловъ, легко конкурируя съ лѣсными матеріалами изъ казенныхъ дачъ, оплаченныхъ пошлиной. Въ настоящее время можно сказать, что общественныя надѣлы и дачи общаго владѣнія крестьянъ съ казною представляютъ картину

истощенныхъ чрезмѣрными порубками, изрѣженныхъ лѣсныхъ насажденій или ни къ чему негодныхъ молодняковъ. Тамъ, гдѣ топоръ не успѣлъ закончить своего дѣла, на помощь является огонь. Поразительное легкомысліе, съ какимъ сибирякъ относится къ окружающимъ его богатствамъ природы, въ которыхъ заключается все его благосостояніе!—Весенняя опалка жнивья и сѣнокосовъ въ то время, когда почва уже совершенно освобождена отъ снѣжного покрова, служитъ причиною множества пожаровъ въ прилегающихъ лѣсныхъ надѣлахъ; а не рѣдко и просто небрежное обращеніе съ огнемъ, истребляющимъ цѣлыя десятки десятинъ лѣсныхъ насажденій, большею частью молодняковъ. Осматривая общественные надѣлы, въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія можно натолкнуться на нѣсколько мелкихъ лѣсныхъ участковъ, съ удовлетворительными насажденіями величиною каждый въ 1—3 десятины, уцѣлѣвшихъ среди всеобщаго истребленія. Это послѣдніе примѣры бережливости благоразумныхъ домохозяевъ. Но предпринятые въ послѣдніе годы предѣлы всѣхъ хозяйственныхъ угодій общественныхъ надѣловъ, по числу наличныхъ душъ согласно приговорамъ самихъ же обществъ, пособить дѣлу истребленія лѣсовъ; такъ какъ трудно допустить, чтобы у исправнаго домохозяина явилась мысль оберегать свой «душевой надѣлъ», если онъ не будетъ увѣренъ, что при передѣлѣ участокъ останется за нимъ, а не отойдетъ на прибылыя души его сосѣда.—Мы уже отмѣтили въ началѣ нашей статьи, что безпощадное истребленіе лѣсовъ становится чувствительнымъ уже современному поколѣнію. И дѣйствительно, главнымъ потребителемъ лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ въ западной Сибири является крестьянинъ, и если-бы мы могли опредѣлить цифру расходовъ населенія на приобрѣтеніе лѣса только въ казнѣ, то цифра эта далеко не опредѣлила-бы всѣхъ издержекъ населенія на приобрѣтеніе необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ,—такъ какъ во многихъ случаяхъ крестьяне въ силу мѣстныхъ условій и удобства доставки приобрѣтаютъ необходимыя матеріалы для хозяйства у ближайшихъ сосѣдей, изъ надѣловъ этихъ послѣднихъ.

Здѣсь къ мѣсту указать, что лѣсной промышленности въ Сибири, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ Россіи, нѣтъ, а потому приведенныя выше цифры и заключенія относятся почти всецѣло къ приобрѣтенію крестьянами лѣсныхъ матеріаловъ со стороны для удовлетворенія нуждъ собственнаго хозяйства. Между тѣмъ не смотря на то, что современному поколѣнію приходится расплачиваться за безпечность своихъ отцевъ, цѣною болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ жертвъ, расхищеніе государственныхъ лѣсовъ, находящихся

въ рукахъ крестьянскаго населенія, идетъ чрезвычайно быстрыми шагами. Глубоко правъ по отношенію сибирскаго населенія извѣстный исследователь края Г. Ядринцевъ, говоря, что «во всей этой экономической эксплуатаціи поражаетъ насъ невольно отсутствіе всякой предусмотрительности и страшное невѣжество населенія. Какъ будто житель Сибири не думаетъ оставаться въ ней дольше завтрашняго дня, какъ будто онъ пришлый человѣкъ, случайный кочевникъ, который нынче здѣсь, а завтра тамъ, и ему нѣтъ никакого дѣла до того, чѣмъ будетъ жить его сынъ, его внукъ, его правнукъ.»

Мы вполне сознаемъ, что предъидущимъ изложеніемъ далеко не исчерпали вопроса. Было бы желательнѣе разсмотрѣть вопросъ по районамъ существующихъ лѣсничествъ, составить хотя поверхностное описаніе общественныхъ надѣловъ, опредѣлить цифру потребленія лѣсныхъ матеріаловъ мѣстнымъ населеніемъ какъ изъ своихъ надѣловъ, такъ и со стороны, но за отсутствіемъ изслѣдованій мы должны пока отказаться отъ этихъ намѣреній.

Въ общемъ же нарисованная нами картина вѣрна дѣйствительности, и съ этою дѣйствительностью и пришлось столкнуться Сибирскимъ лѣсничимъ вновь учрежденнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ западной Сибири. Начавъ свою служебную дѣятельность, мѣстные лѣсничіе должны были принять въ свое завѣдываніе буквально цѣлыя милліоны десятинъ каждый и озаботиться въ ближайшемъ же будущемъ водвореніемъ порядка какъ по охраненію лѣсныхъ дачъ общественныхъ, такъ и по эксплуатаціи ихъ. Во многихъ мѣстахъ избраніе общественной стражи, полѣсовщиковъ и подчиненіе ихъ надзору лѣсничаго вызывало цѣлыя движенія въ средѣ общества, въ которомъ быстро распространялись слухи, что-де «наши лѣса отбираютъ въ казну» — и общественники спѣшили вырубать свои пайки и сбывать матеріалы. Нерѣдко общества въ своихъ приговорахъ объ избраніи полѣсовщиковъ категорически отказывали требованіямъ лѣсничихъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что каждый домохозяинъ будетъ охранять свой паекъ лично, а потому въ избраніи полѣсовщиковъ не видитъ нужды. Но насколько и избранные полѣсовщики удовлетворяютъ своему назначенію, легко судить, если принять во вниманіе, что въ дѣлѣ охраненія ввѣряемыхъ ему дачъ онъ долженъ идти противъ сложившихся и освященныхъ обычаями привычекъ своихъ однообщественниковъ. Членъ своего общества, такъ же какъ и его односельцы, онъ свободно возилъ лѣсъ своего пайка на ближайшій сельскій торжокъ, теперь долженъ самъ запрещать какую бы то ни было торговлю лѣсомъ изъ душевыхъ надѣловъ. Трудно надѣяться

на успѣшную дѣятельность общественныхъ полѣсовщиковъ, находящихся почти внѣ всякаго контроля лѣсничаго и предоставленныхъ самимъ себѣ и вліянію силы общественныхъ привычекъ и общественнаго давленія. Лѣсничій даже въ самомъ высшемъ напряженіи своей энергіи беспомощенъ передъ суммой подавляющихъ его обязанностей.

Онъ долженъ контролировать дѣйствія подвѣдомственной ему стражи на пространствахъ въ 1, 2, 3 милліоновъ десятинъ лѣса, разбросаннаго въ видѣ отдѣльныхъ дачъ цѣлыми сотнями и на цѣлыя сотни верстъ.

Безъ посредствующей контролирующей власти, въ видѣ волостныхъ объѣзчиковъ, дѣятельность его въ этомъ случаѣ сводится почти къ нулю. И при настоящихъ условіяхъ армія полѣсовщиковъ изъ десятокъ и сотенъ лицъ, въ каждомъ лѣсничествѣ, находясь подъ случайнымъ контролемъ, является почти совершенно бесполезной.

Если относительно охраненія общественныхъ лѣсовъ дѣятельность лѣсничихъ не можетъ найти себѣ примѣненія, то нечего и говорить, что упорядочить дѣло эксплуатаціи они совершенно бессильны. Рубить сибирскій крестьянинъ свой паекъ, когда ему вдумается, не соблюдая рѣшительно никакихъ на это установленныхъ сроковъ. Рубить для себя, рубить и на продажу, а иногда и скорѣе кончаетъ со своимъ лѣснымъ надѣломъ, продавая его на срубъ. Какъ ни печальны отмѣченные нами факты, тѣмъ не менѣе мѣстные лѣсничіе не въ силахъ водворить требуемый закономъ порядокъ и оградить государственное богатство отъ расхищенія.

И дѣйствительно, припомнимъ сначала порядокъ эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ, примежованныхъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, по правиламъ, утвержденныхъ Г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ; правила состоятъ въ томъ, что предварительно опредѣляется общая потребность въ лѣсныхъ матеріалахъ, приговоромъ общественнаго схода. Потребность ограничивается тѣсными предѣлами собственной нужды каждаго домохозяина въ строевомъ подѣлочномъ матеріалѣ и топливѣ. Правильность приговора ировѣряется мѣстнымъ лѣсничимъ. Затѣмъ составляется предварительная оцѣнка на отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, возможный по состоянію дачи и въ предѣлахъ дѣйствительной нужды населенія въ лѣсѣ и наконецъ производится выдѣлъ площадей рубокъ.—Представимъ теперь себѣ какое нибудь Сибирское лѣсничество, состоящее кромѣ лѣсовъ единственнаго владѣнія казны и оброчныхъ статей, изъ двадцати волостныхъ дачъ. Должны оговориться, что беремъ на выдержку среднее лѣсничество.—Допустимъ что каждая волость состоитъ изъ пяти от-

дѣльныхъ обществъ, и каждое пользуется самостоятельнымъ лѣснымъ надѣломъ. Мы беремъ 100 отдѣльныхъ общественныхъ дачъ, следовательно лѣсническому придется составить 100 смѣтъ на отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, провѣрить 100 приговоровъ, отвести 100 площадей рубокъ и произвести освидѣтельствованія заготовокъ въ 100 мѣстахъ. — Предоставляемъ судить людямъ, знакомымъ съ практической стороной дѣла, насколько возможно, хотя бы при самомъ поверхностномъ отношеніи къ нему, такая сложная задача, лежащая въ Сибири на обязанности и отвѣтственности большаго частью одного чиновника.

При осуществленіи сложной программы выше нами указанной лѣсничамъ пришлось-бы натолкнуться на массу другихъ усложненій, вытекающихъ изъ общаго состоянія общественныхъ дачъ. — Обратимся опять къ примѣру и предположимъ, что имѣемъ дѣло съ обществомъ, состоящимъ изъ ста душъ и пользующихся лѣснымъ надѣломъ по 5 десятинъ на душу.

Общая потребность, выраженная въ очень скромныхъ цифрахъ, можетъ опредѣлиться въ 5 куб. саж. дровъ и по 5-ти штукъ бревень на каждый дворъ для подѣлокъ и поправки усадебныхъ построекъ. а всего составитъ 500 куб. саж. дровъ и 500 бревень. Изъ числа 500 десятинъ могутъ оказаться по своему состоянію годными для цѣлей эксплуатаціи не болѣе $\frac{1}{5}$ или самое большее $\frac{1}{4}$, все-же остальное составляютъ молодняки, или насажденіе, которое не соотвѣтствуетъ цѣлямъ правильнаго хозяйства. Составляя теперь смѣту на рубку изъ насажденія въ 100 десятинъ, при 100 лѣтнемъ оборотѣ рубки, и полагая почти невозможный для общественныхъ дачъ запасъ въ 10 кубическихъ сажень древесины на одну десятину, мы получимъ 100 куб. саж. матеріала, т. е. будемъ въ состояніи удовлетворить только $\frac{1}{5}$ часть нужды въ лѣсѣ даннаго общества. — Игнорируя даже нужду остальныхъ $\frac{4}{5}$ частей и предоставляя обществу распредѣлить вырубленный матеріалъ между его членами, мы увидимъ, что лѣсные матеріалы распредѣлятся между всѣми членами и ими воспользуются и тѣ общественники, которые уже истребили свои надѣлы и приобрѣтали до сихъ поръ необходимый лѣсъ со стороны, посягая такимъ образомъ на право лицъ, сумѣвшихъ среди всеобщаго истребленія сберечь свои душевные пайки, изъ которыхъ и проваживается теперь отпускъ. — Явленіе далеко не желательное, такъ какъ оно породитъ цѣлый рядъ недоразумѣній, жалобъ и тяжбъ. И это явленіе будетъ имѣть здѣсь мѣсто, такъ какъ подавляющее большинство общественниковъ, истребившихъ свои надѣлы, въ состояніи поддержать свое право на участіе

въ раздѣлѣ отпущеннаго лѣса, когда въ дѣло удовлетворенія нужды населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ вмѣшается правительственная власть.

Мы взяли для выясненія своего изложенія примѣръ схематическій, примѣры дѣйствительности будутъ разниться только другими цифровыми данными и сущности вопроса не измѣнять.

Если въ сознаніи сибирскаго крестьянина не выработалось правильное отношеніе къ окружающимъ его дарамъ природы и хищническая эксплуатація ихъ освящена всёмъ прошлымъ исторіи его жизни, то вамъ кажется, что государственная власть должна положить предѣлъ расхищенія и урегулировать эксплуатацію принадлежащихъ ему богатствъ; такъ какъ лѣса въ Сибири, помимо значенія въ хозяйственной жизни населенія, при особенностяхъ континентальнаго климата края, обусловливаютъ своимъ существованіемъ успѣхи сельско-хозяйственной культуры.

Намъ лично, и въ составѣ цѣлой комиссіи, приходилось изслѣдовать условія земледѣльческаго труда въ степной полосѣ западной Сибири и мы пришли къ положительному заключенію, что урожай хлѣбовъ въ этой полосѣ обеспечены только въ томъ случаѣ, когда почва пахатныхъ полей защищена отъ иссушающаго дѣйствія вѣтра сосѣдними лѣсными насажденіями. Поразительна разница даже въ почвенномъ покровѣ двухъ смежныхъ участковъ, совершенно одинаковыхъ по своему химическому составу: въ то время какъ на открытомъ участкѣ мы видимъ слабое прозябаніе ограниченнаго числа растительныхъ видовъ, на другомъ, прикрытомъ насажденіемъ, мы встрѣчаемъ разнообразный, растительный коверъ. — Кромѣ того въ лѣсной полосѣ Сибири съ истребленіемъ хвойныхъ насажденій обнажается чисто песчаная почва, не имѣющая ровно ни какой цѣны въ ряду хозяйственныхъ угодій крестьянина.

Стараясь выяснитъ, хотя и въ общихъ чертахъ, состояніе казенныхъ лѣсовъ, примезованныхъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, мы указали и на безсиліе лѣсной администраціи, бороться съ укоренившимся зломъ, въ виду непосильнаго труда его обязанностей и при громадныхъ протяженіяхъ районовъ лѣсничества. По нашему мнѣнію административныя силы должны быть увеличены, какъ дополнительнымъ штатомъ чиновъ корпуса лѣсничихъ, такъ и внешними агентами. Расходы на содержаніе новаго штата могутъ быть восполнены введеніемъ въ Сибирь лѣснаго налога, который съ учрежденіемъ Управленія Государственными Имуществами Западной Сибири является

вполнѣ справедливымъ. По положенію 1863 года ¹⁾ о порядкѣ охраненія и пользованія лѣсами, государственные крестьяне за пользованіе ими обязаны были охранять государственные лѣса, какъ состоящіе въ ихъ временномъ пользованіи, такъ и дачь единственнаго владѣнія казны; но съ учрежденіемъ управления сельскія общества избавлены отъ этой натуральной повинности, которая остается незамѣненной. А между тѣмъ введеніе лѣснаго налога дало-бы весьма солидную цифру дохода, а именно, полагая мужское населеніе Тобольской и Томской губерній, Акмолинской и Семипалатинской области въ 1,131853 душъ, и полагая далѣе, что норма налога не превыситъ 10 коп. съ души, мы получимъ сумму 113185, руб., которой съ излишкомъ достаточно для покрытія расходовъ на усиленія необходимаго для Сибиріи штата чиновъ и низшихъ агентовъ лѣсной администраціи.

В. Э.